

УДК 141:1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-500-507

Ф. НИЦШЕ: ТЕОЛОГИЯ, МЕТАФИЗИКА И ПСИХОЛОГИЯ В ПОИСКАХ ЖИЗНЕННОСТИ

Перцев Александр Владимирович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Автор рассматривает современную социокультурную ситуацию, обусловленную пандемией, как открывающую возможности для активизации историко-философских исследований. Однако важно ориентировать их на воссоздание целостного мира конкретного мыслителя, исходя из всего комплекса документов, фиксирующих обстоятельства его жизни. На примере Ф. Ницше показан процесс движения его мысли и деятельности по областям литературы, философии, психологии, музыки, медицины в контексте обстоятельств его личной жизни и отношений с близкими. Параллельно выясняются герменевтические составляющие современного биографического подхода. Сопоставляется содержание психологического понятия «интроверт» с его философским и теологическим смыслами. Показана ошибочность трактовки интроверта как субъекта замкнутого в себе, малополезного для общества. Напротив, исходя из текстов Ницше, автор обосновывает, что психологический тип интроверта подразумевает «сверхсоциального альтруиста», который расщепляет свое Я на множество частич, помещая их во все вещи и все существа его/ее внутреннего мира. При этом «расщепленное Я» остается целостным, поддерживая во «внутреннем мире» связь всего со всем, и потому несет ответственность за него. Таким образом, мировоззрение драматурга, теолога, философа-интроверта оказывается своего рода «смыслообразующей пьесой», которую он/она предъявляет миру, чтобы мир жил в соответствии с ней.

Ключевые слова: Ф. Ницше, теология, метафизика и психология, интроверт, обособление собственного культурного смысла, герменевтика.

FRIEDRICH NIETZSCHE: THEOLOGY, METAPHYSICS AND PSYCHOLOGY IN SEARCH OF VITALITY

Aleksandr V. Pertsev

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The author believes that the current socio-cultural situation caused by the pandemic opens up the potential for intensified research in the field of history of philosophy. However, it is important to orient this research toward reconstruction of the integral world of a particular thinker based on the entire set of documents that record the circumstances of his life. The paper demonstrates this approach as applied to the Friedrich Nietzsche: his reflections and the process of work in the fields of literature, philosophy, psychology, music, and medicine are demonstrated in the context of the circumstances of his personal life and relations with his relatives. In parallel, the hermeneutic components of the modern biographical approach are clarified. The content of the psychological concept of «introvert» is compared with its philosophical and theological meaning. The author considers the interpretation of an introvert as a subject closed in itself and not useful for the society to be wrong. Based on texts written by Nietzsche, the author substantiates that the psychological type of an introvert implies a «super-social altruist» who splits his/her Self and places these elements into all things and all creatures of his/her inner world. At the same time, the «split Self» remains whole, maintaining the connection of everything to everything in the «inner world» and is therefore responsible for it. Thus, the worldview of an introvert (for example, a playwright, theologian, philosopher) is somewhat of a «meaning-making play» which he/she presents to the world so that the world could live according to it.

Keywords: F. Nietzsche, theology, metaphysics and psychology, introvert, isolation of one's own cultural meaning, hermeneutics.

Историко-философская наука в эпоху пандемии переживает особые времена. Старшее и среднее поколения преподавателей историко-философских дисциплин проводят свои занятия «кудаленно», т.е. сидя дома. Появляется дополнительная возможность для вдумчивого чтения; вместе с тем очевидно, что понижения требований к научным исследованиям, в том числе к составу и деятельности советов по защитам диссертаций, а также к составу и качеству работ соискателей ученых степеней, не будет. Все это наводит на мысль: не достать ли из Интернета загруженные туда когда-то труды, переведенные заново, и не использовать ли удобное для чтения время для повышения своей квалификации посредством работы с ними? Ведь любой доктор, входящий в состав Совета по защитам диссертаций, сегодня просто обязан иметь на своем счету, как минимум, один «скопусовский» и четыре «ваковских» опубликованных текста. Кроме того, следовало бы подать хороший пример молодежи. По нашему мнению, занимающаяся наукой молодежь как-то зациклилась на теме лидерства, забыв о том, что лидерство в науке предполагает в том числе защиту ученой степени. Быстрого чтения быстро написанных журнальных статей для этого недостаточно. Надо читать монографии и глубоко анализировать их! И только в ходе этого и после серьезного анализа начинать писать самому.

Но для того чтобы так читать и так писать, придется оставить в прошлом навеянные эмпиризмом призывы к конкретике историко-философских фактов, прибаутки про то, что нет историко-философской науки в ее истории, что «в соответствии с духом современности» надо мыслить мыслимое Сейчас, а вовсе не углубляться в Былое. Да, культура — начиная с О. Шпенглера [Шпенглер О., 1993] — подразумевает не предмет изучения, куда-то складированный и помненный наизусть, а само деятельное человечество, которое оперирует этим предметом. Но оно оперирует им настолько, насколько отстаивает его принципы! Не отстаиваешь его как в качестве *своего*, так и в качестве *всего мирового целого* в историко-философском процессе — уже послезавтра оно станет *безвозвратно* достоянием прошлого, не узнаваемым даже по вчерашним речам. Ведь назавтра такое знание уже не будет цениться, потому как человек не может войти дважды в

одну и ту же реку. Больше того: с ускорением жизни начинает казаться, что прав не Гераклит, а Кратил, сказавший, что даже один раз не может человек войти в водный поток: и потому что с каждым шагом он меняется сам — и потому что с каждым его шагом меняется вода в реке [Фрагменты..., 1989, с. 551–552].

Пребывая на самоизоляции дома, профессура вернулась от *постстатейного* мышления к мышлению *покнижному* — в том смысле, что в статье, разложенной на технологию, концепцию изложить нельзя, а вот в книге — можно. Читая дома книги, старшие из преподавателей опомнились — и начали возвращать себе старое мышление. Побывав однажды историками философии XIX в. и более ранних веков, — для проникновения в секреты мыслителей прошлого они стали использовать приемы В. Дильтея и Ю.Н. Тынянова. Не спеша вдумываются и вчувствуются во все предметы и документы, сохраненные в музее данного мыслителя. Они сопререживают ему, глядя на портреты его друзей и врагов. Так у них складывается целостный образ его мира — вместе с контекстом со-мира, в котором он существует.

Этим людям не надо было пояснять, что сказать, например, «Ницше» — означает тем самым, что уже не следует добавлять к этому подразделения на «психологию», «метафизику», «теологию», «литературу» и даже на «медицину». Потому что Ницше сам выступал и психологом, и метафизиком, и теологом, и литератором, и медиком. Это уже потом продолжатели и эпигоны Ф. Ницше начнут разделять его творчество и разграничивать его элементы. А сам Ницше не только стоял за целостность своей теории, но и творил эту целостность — наощупь, ошибаясь, двигаясь назад. Потому что верил, что именно из нее, цельной, только и может возникать человеческая жизнь. Пусть, для начала, и скопированная с ницшеанской жизни — надо попробовать, а там уже как пойдет. Именно потому биограф Ф. Ницше заметил: «Фридрих Ницше... представал пред своею публикой попеременно как поэт, философ, психолог, фельетонист, исследователь античной филологии, композитор и, наконец, как бог...» [Köhler J., 2001, S. 27].

Фридрих Ницше думал, что «Заратустру» [Nietzsche F., 1883] будут изучать со временем во всех университетах мира — возникнет что-то

вроде прикладного литературоведения в синтезе с религиоведением и теологией. Он даже подсказывал творцам такой дисциплины, что же надо думать о ее создателе. Он призывал считать себя каким-то «опровергателем буддизма для Европы». Вот первый этап: все чувствуют себя вовлеченными в жизнь Природы, им просто некуда деться, потому что иного представить просто не дано. Вот второй этап: рождаются Будда и его поклонник — Шопенгауэр. Они зовут покинуть этот мир несчастий, потому что вслед за всякими прекрасными удовольствиями *в частностях* кроется подкрадывающееся Ничто, — так разве же не оправданы усилия и старания, чтобы это Ничто превратилось в Пустое Ничто?

Но вот и третий этап: грядет тот, кто говорит, что он знает, как однажды задремать в послеполуденный час под деревом — и тогда Пустое Ничто обернется своим вечным Счастливым Воплощением. Тот, кто научит, как смотреть на эту Жизнь, чтобы она казалось не тяготением, а времяпрепровождением Проходящего Мимо Бога [Heidegger M., 1989, S. 414].

Судьба, кстати, распорядилась с Фридрихом Ницше строго. Последние двенадцать лет он провел в крайне суровых условиях — вначале в лечебнице, откуда его затем забрала мать (которая, кстати, не прочитала ни слова из всех его заумных книжек, потому что не ведала о занятии сына писательством). Потом вернулась из Латинской Америки сестра, поскольку ее муж обанкротился и покончил с собой при попытке создать немецкое националистическое землячество. Она быстро сотворила из ницшеанского дома Музей, главным экспонатом которого был парализованный брат. Его вывозили и демонстрировали посетителям в больничной одежде, в госпитальном кресле. Для фотографирования.

Если жизнь — это всего лишь впечатления человека, то где же, спрашивается, пролегает граница, за которой она заканчивается? Должны ли понятием «жизнь» охватываться последние 12 лет жизни Ницше — последние, когда у него в нервной лечебнице заплелся язык, но зато он радовал визитеров редкостной красоты импровизациями на рояле? Которые якобы вселяли надежду на полное выздоровление?

И конечно же, подобные вопросы могут возникать только при впадении в «медленный» стиль мышления — тот «долотопный» стиль, который только и способен все время держать

связь со смыслом бытия, не разгоняясь до современной скорости восприятия всего вскользь.

А вот еще один из таких вопросов: с какого момента можно считать Ф. Ницше безумным?

Думается, что безумное в нем было уже с детства — хотя бы настолько безумное, что сегодня оно побудило издать почти десять томов его детских и юношеских произведений — вне его совершеннолетних работ. А первые стихи отрок Ф. Ницше написал в 10 лет! В этом издании было нечто от безумия — только от безумия толпы: юношеская «ницшеана» нашла своих покупателей [The Nietzsche Channel]. Но итог безумной жизни — по немецким меркам — наступил не тогда, когда он разослав друзьям записки с «божественными подписями» или обнимал упавшую ибитую извозчиком лошадь. Все это может быть принято за эксцессы романтического литератора и поэта. Нет, настоящее безумие постигло Ф. Ницше лишь тогда, когда он не выполнил условия коммерческого договора!

Коммерческий договор касался автобиографической книги «Ecce homo». Книга уже была набрана и готова к печати. Ввиду особенности деятельности типографии тех лет в договор вносились пункты, регулирующие отношения с наборщиком. Алгоритм тут был такой. Вначале автор сдает первый вариант книги. Наборщик — вручную — набирает гранки, с которыми автор волен обращаться на протяжении обговоренного срока как ему угодно. Он может дать кому-то гранки на просмотр, чтобы учесть замечания, может сам что-то поправить в них. Затем эти гранки возвращаются наборщику для окончательного набора. Автор вычитывает пробные оттиски и подписывает их «в печать». С этого момента рукопись будет неприкосновенной — разве что случится что-то в крайних случаях!

Но когда работа над книгой «Ecce homo» уже заканчивалась, когда набор уже был выполнен, пробные оттиски вычитаны автором и подписаны им в печать, издатель Науман вдруг получил от Фридриха Ницше по почте новый вариант главы. Автор требовал немедленного включения текста в книгу.

Это был скандал! Мало того, что автор нарушил требования коммерческого договора и теперь надо было переформатировать весь уже подготовленный к набору материал. Но присланный им текст... Издатель Науман прочитал

его — и схватился за голову. В новом варианте текста Ф. Ницше, не стесняясь, называл мать и сестру «канальями», которые испортили его жизнь.

«Если я ищу наиболее полную противоположность себе, такую пошлую заурядность инстинктов, которую даже невозможно представить, я всегда нахожу свою мать и сестру, — считать, что я состою в родстве с такими канальями, было бы просто богохульством по отношению к моей божественности. Обхождение со мной, которое демонстрируют моя мать и сестра, вплоть до настоящего момента, вселяет в меня неизъяснимый ужас: здесь действует совершенная адская машина, которая безошибочно, с абсолютной надежностью срабатывает именно в тот момент, когда я особенно уязвим и мне можно нанести кровавую рану — в моменты, когда я достигаю наивысших вершин... ведь в такие моменты нет силы противиться ядовитому ползучему отродью <...> Но я признаюсь, как на духу, что самое глубокое возражение против “вечного возвращения”, этой моей поистине бездонной идеи, всегда представляли собою мать и сестра» [Nietzsche F., 1988, S. 268].

Любой издатель, заполучив такой текст, воздержится от срочной его публикации. Тут ведь речь идет не о правке рукописи — речь идет о радикальной смене позиции. О проклятиях, высказанных в адрес самых близких людей! О хулах, которые — по мнению общества — подлежат моральному осуждению!

Последний отрывок издалось получить 2 января, хотя договор на набор книги был заключен с 4 ноября 1888 г. Редактор, не ведая, что ему делать, положил письмо под сукно, чтобы связаться с Ф. Ницше, — но уже 3 января ему сообщили о безумии, которое охватило мыслителя.

С этого момента на правку от 2 января наложила руку сестра Елизабет — и уничтожила ее. Но она сохранилась в архиве Петера Гаста (так в шутку Ф. Ницше звал своего секретаря)¹. Работая с Елизабет Фёстер-Ницше над публикацией оставшихся рукописей ее брата, Петер Гаст понял, что его «родная кровь» отнюдь не относится к ним как к святыне. Тогда он добился публикации копии подлинника. Что и было сделано: мы цитируем этот отрывок по

«Критическому изданию для изучения» в 15 томах, которое ныне считается наиболее адекватным (издатели собрания сочинений — Дж. Колли и М. Монтинари).

Что же, спрашивается, вменяет Ф. Ницше в вину матери и сестре?

Да именно *родство*, которое — как они полагают — позволяет им вмешиваться в его одиночество! Как только они видят, что Ф. Ницше с головой погрузился в философию, так и норовят загрузить его чем-то своим — и ведь они знают наверняка, когда он туда погружается! Они используют эти моменты, потому что знают — они уйдут безнаказанными, потому что знают — Ф. Ницше в такие моменты не ведает, как противиться «ядовитому ползучему отродью».

Эти вмешательства «ближайшей родни» вырывают Ф. Ницше из того состояния, в которое он себя погружал долго и чутко. Собственно говоря, в книге «Ecce homo» речь идет о том, как *каждому* читателю пойти по пути Ф. Ницше, — весь вопрос только о том, насколько ему удастся пройти по этому пути к святысти... Так вот: кроме рекомендаций относительно чтения и питания, включая употребление алкоголя, там есть самое радикальное требование — всегда следовать общепримиряющему инстинкту. Так, что все воспринимаемое тобой виделось бы как... море, на котором нет волн!

Ф. Ницше поясняет это так.

«Для задачи переоценки ценностей потребовалось бы, пожалуй, больше способностей, чем когда-либо соединялось в одном лице, прежде всего потребовалась бы противоположность способностей без того, чтобы они друг другу мешали, друг друга разрушали. Иерархия способностей, дистанция, искусство разделять, не создавая вражды; ничего не смешивать, ничего не “примирять”; огромное множество, которое, несмотря на это, есть противоположность хаоса, — таково было предварительное условие, долгая сокровенная работа и артистизм моего инстинкта. Его высший надзор проявлялся до такой степени сильно, что я ни в коем случае и не подозревал, что созревает во мне, — что все мои способности в один день распустились внезапно, зрелые в их последнем совершенстве. Я не помню, чтобы мне когда-нибудь пришлось стараться, — ни одной черты борьбы нельзя указать в моей жизни. Я составляю противоположность героической натуры. Чего-нибудь “хо-

¹ Об этом подробно см.: [Перцев А.В., 2009, с. 348–350].

теть”, к чему-нибудь “стремиться”, иметь в виду “цель”, “желание” — ничего этого я не знаю из опыта. И в данное мгновение я смотрю на свое будущее — широкое будущее! — как на гладкое море: ни одно желание не пенится в нем, я ничуть не хочу, чтобы что-либо стало иным, нежели оно есть; я сам не хочу стать иным... Но так жил я всегда» [Ницше Ф., 1990, с. 719].

Положение начинает проясняться. Итак, представим себя на месте Ф. Ницше. Вокруг тебя — когда ты уже все подготовил — простирается море. Сила твоего инстинкта придает ему тишину. Ни одна волна не противоречит какой-то другой. Но течения инстинкт позволяет увидеть, потому что в море есть что-то такое, что противоречит друг другу. Инстинкт видит эти противоречия, но не позволяет им расплескаться и взбодрившись. Он принимает все — итак, получается, что он — за всеобщее природное равновесие.

Для Ф. Ницше фактами его жизни является все то, о чем он сказал в «*Ecce homo*», — и то, о чем ему не позволили сказать. Здесь есть и мысль о том, что папа — это высокое и не столь способное к жизни верховное порождение дерева, а мать — это самая низшая, самая мощная ветвь, которая даст опору, но чересчур ничего не почувствует. А дерево — это сам Ф. Ницше, потому он и есть промежуток между элитарной и народной культурой.

Другой факт — это те рассказы из детства, которые юный Фриц слышал от бабушки Эрдмуты Доротеи. Она придумала миф о подлинной семье Ницше, о благородном роде, об аристократических предках — в отличие от неподлинной семьи хворого сына-неудачника, испорченного деревенской красоткой-простушкой (батюшка Ф. Ницше как только приехал к месту службы, так и женился на сестре священника; мать Ф. Ницше, естественно, не жаловала их брак). По легенде бабушки Эрдмуты Доротеи, подлинный род Ницше вел свое начало от польских дворян-шляхтичей. Об этом, в частности, говорило написание фамилии — по-польски, через множество букв — NIETZSCHE. Польские графы Ницкие вынуждены были эмигрировать в Саксонию при Станиславе Лещинском. Так предки Ницше оказались людьми без родины. В скитаниях женщины из рода Ницких были вынуждены кормить своих детей грудью долго, не один год — и дети становились от этого чудо-

богатырями. Прадед Фридриха Ницше, по рассказам Эрдмуты Доротеи, в девяносто лет еще мог пускать лошадь в галоп! Рассказы бабушки не прошли даром: несмотря на неважное здоровье, Фридрих Ницше ходатайствовал о поступлении в гвардию, но был призван в конные артиллеристы — самый отчаянный род войск².

Даже на закате жизни Ф. Ницше с гордостью воспроизводил бабушкину легенду о своем благородном происхождении из польских дворян³. В детстве он как-то сказал сестре: «Граф Ницкий не врет!» В зрелые, уже профессорские годы, — пообщавшись с членами вагнеровских ферейнов, — он в бешенстве *отказался говорить на немецком языке вообще*, не желая иметь ничего общего с бюргерами. А в отрывке из «*Ecce homo*», написанном незадолго до полного безумия, он опять вернулся к своему благородному польскому происхождению:

«Я — польский дворянин *pur sang*, и к чистой крови моей не примешивается ни капли крови дурной, менее всего — немецкой. <...> Но и как поляк я — чудовищный атавизм. Надо, чтобы время потекло вспять — и тогда, вернувшись на несколько веков, можно было бы найти эту самую благородную национальность из всех, какие только существовали на Земле, во многочисленности и в чистоте инстинктов — такой, какой представляю собой ее я. По отношению ко всему, что сегодня называется знатью, я испытываю суворенное чувство благородной отстраненности, заставляющее меня держать дистанцию, — молодого немецкого кайзера я не удостоил бы чести быть моим кучером. Лишь в одном-единственном случае я считаю кого-то равным себе — и я признаюсь в этом с глубокой благодарностью. Фрау Козима Вагнер — это,

² Полевые артиллеристы вывозили свою пушку прямо на поле боя, чтобы в упор стрелять во вражеское каре. Лошади выпрягались и отправлялись в укрытие, так как представляли собой слишком большую мишень. Если противник предпринимал контратаку, отступать с пушкой было уже невозможно, а потеря пушки считалась бесчестием. Туда брали настоящих богатырей, способных разворачивать орудие, и эти богатыри, бывало, отбивались от насыдающего врага банником — длинным железным шестом, которым чистили ствол пушки.

³ Архивные изыскания, в которых не было недостатка, показали: никаких сведений о польском происхождении Ф. Ницше не существует. Все его предки были немцами — причем весьма уважаемыми. Немало его предков — особенно по отцу — были немецкими священниками и даже учеными богословами.

несомненно, самая благороднейшая натура; и, чтобы сразу расставить точки над *i*, я скажу, что Рихард Вагнер — это, *несомненно*, самый родственный мне человек... Об остальном — умолчим...» [Nietzsche F., 1988, S. 268].

Все это — факты. Сколько ни старайся Фридрих Ницше, они не исчезнут из его памяти.

Далее Ницше и расставляет, как обещано, точки над *i*, различая *семью подлинную* (польский дворянский род Ницких вместе с четой Вагнеров) и *семью неподлинную* — непосредственную свою тягостную родню.

«Все господствующие представления о степенях родства — это физиологическая нелепица, такая, что дальше некуда <...> Менее всего человек *сродни* своим родителям: это было бы самым крайним проявлением пошлой заурядности — быть *сродни* своим родителям. У натур более высоких их первоисток — бесконечно далеко в прошлом, и им приходится дольше всех собирать и накапливать, присоединя собранное к этому истоку. *Великие индивиды* — старше всех: я не это имею в виду, но мон отцом мог бы быть Юлий Цезарь — или Александр, этот Дионис во плоти...» [Nietzsche F., 1988, S. 268].

Замкнем на этом «перечне фактов» их список, поскольку история, представленная *множеством историков*, говорит *другое*: не был ни Юлий Цезарь, ни Александр Македонский отцом Фридриха Ницше! Ни тот ни другой — не был!

Вместо этого сосредоточимся на ином — на реконструкции субъективного мира Ницше. Итак, представьте себе себя в роли Ф. Ницше. Вы подготовились навсегда и ко всему. Вы приучили себя к *негативным фактам* — к глазам, которые почти ничего не видят, а от перенапряжения их в голове возникает боль — всего лишь от взирания на листы бумаги! Если это не прекратить, то она проникает в желудок и порождает там тошноту с рвотой. Эти приступы бывают на протяжении почти полугода в течение года жизни. Боль привычная, потому боль свою Ф. Ницше сравнивает с собакой. Она всегда при тебе, она пристает к тебе и даже кусает. Она не приятная. Но с кем же еще ты будешь ругаться, кого наказывать, кому будешь жаловаться на тоску жизни?

Мы свыклились с болью, как с негативными ощущениями. Мы немного обходили остальные ощущения — сделали все, как положено, с

питанием, и с проживанием, и с обстановкой. Мы почти приблизились к вершине — к послеполуденному часу покоя, когда вам грезится, что вы проснетесь — и то же самое состояние покоя будет длиться всегда, в виде вечного возвращения.

И вот тут-то и оказывается, что «вечное возвращение» всемерно прекрасной в ее сносности жизни откладывается — в ней появляются вместе с тобой твои вечные и умелые мучительницы. Мать и сестра...

Как избавиться от них?

Однажды, среди неопубликованных отрывков, Ф. Ницше попробовал изжити эти образы — уже не при помощи толерантности, но при помощи психологии. Он размышлял о судьбе интроверта — как мы сегодня сказали бы, ориентируясь на исследования К.Г. Юнга [Юнг К.Г., 2017]. Все прочие, как говорит Ф. Ницше, утверждают, что интроверт менее ценен, чем экстраверт. Экстраверт вступает в деятельное общение и сообща решает задачу. А вот интроверт слишком замкнут в себе. Всем кажется, что проблемы общества его не интересуют. Но так ли это?

«Наше отношение к самим себе! Эгоизм во все *ничего* не говорит. Мы направляем на себя все хорошие и дурные страсти, мышление о себе, чувство в пользу себя и против себя, борьбу в себе; мы никогда не смотрим на себя как на индивидуум, но как на двойственность или множественность. Все социальные явления (дружбу, месть, зависть) мы применяем к себе. Наивный эгоизм животного совершенно видоизменяется вследствие наших *социальных привычек*, мы уже не можем чувствовать единичность *ego*, мы чувствуем только множественность. Мы разбились на части и дробимся все больше и больше. *Социальные страсти* (дружба, ненависть, зависть), обусловленные множественностью, преобразили нас: мы перенесли “общество” в себя, и “уходить в себя” — не значит бежать от общества, часто это значит мучительно мечтать и толковать совершающиеся с нами факты по схеме более ранних переживаний. Не только Бога, но все существа, известные нам, мы принимаем в себя: мы космос, насколько мы его *поняли* или *вообразили*, что *поняли*. Оливковое дерево и буря, кошелек и газета сделались частью нас самих» [Ницше Ф., 2000, с. 257].

Итак, по компетентному свидетельству великого интроверта Ф. Ницше, интроверт вовсе не остается один, уйдя в себя. Он не любуется своим Я — он расщепляет свое Я на величайшее множество частиц, помещая их во все вещи и все существа своего внутреннего мира. При этом расщепленное Я удивительным, непостижимым образом остается целостным, поддерживая во «внутреннем мире» связь всего со всем. Так что интроверт — это вовсе не асоциальный эгоист. Это — сверхсоциальный альtruist, который проникает собою весь мир и начинает нести ответственность за него, задавая ему смысл, — отсюда и внутренний тоталитаризм гиперответственности.

Интроверт утягивает в себя весь мир — и там уединяется с ним. Он представляет его как море — и оказывается над ним как Бог. Он, выступая в роли Бога, несет ответственность за весь мир, потому что все Другие — это тоже он сам. Скажем, Ж.-П. Сартр в пьесах своих герменевтически перемещается в своего героя, прочувствует его — и в результате возникает его реплика. Затем он как автор перемещается в другого героя — и возникает ответная реплика. Так возникает весь разговор в пьесе [Сартр Ж.-П., 1967]. Но ведь оливковое дерево и буря, кошелек и газета — они тоже оказываются на сцене. И тоже определяют свой смысл. Мировоззрение — это пьеса, которую автор-интроверт предъявляет миру, чтобы весь мир жил по ней. Это, если он драматург. Но точно таким же образом смыслообразующей пьесой оказывается богословское произведение теолога или метафизика философа.

Заключение

В свое время Карл Ясперс (1883–1969), классик психологии и экзистенциальной медицины, предлагал излагать содержание мира человеческих ценностей в виде *истории великих философий*. Для этого, учит он, требуется: «знать мир, в котором продумывалась философия, материал, в котором она мыслит, опыт и наглядные представления, лежащие в ее основании, типичные ситуации, которые в ней происходят, общество, в котором живут люди, нечто, для них само собой разумеющееся, повседневное, всеобщее для определенного времени, культуры, народа <...> Нужно понимать философскую мысль в действительности мыслящего ее человека, а не только как оторванное от него предметное со-

держание. Нужно исторически присутствовать в мире, в котором мыслилась мысль, в ландшафте и природе, в способах труда и социологических отношениях, в общественном положении самого мыслящего» [Ясперс К., 2000, с. 164–165]. А такое знание, понимание и присутствие формируются именно «медленным» мышлением, шанс на которое нам дает современная ситуация. Тем мышлением, которое само по себе является ценностью и позволяет увидеть непреходящую ценность истории философии как деятельности человека, связывающей прошлое, настоящее и будущее культуры.

Список литературы

- Ницше Ф.* Предварительные работы и дополнения к «Утренней заре» 1880–1881 // Ницше Ф. Утренняя заря. Переоценка всего ценного. Веселая наука. Минск: Харвест; М.: ACT, 2000. С. 226–317.
- Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 830 с.
- Перцев А.В.* Фридрих Ницше у себя дома. Опыт реконструкции жизненного мира. СПб.: Владимир Даль, 2009. 480 с.
- Сартр Ж.-П.* Пьесы. М.: Искусство, 1967. 672 с.
- Фрагменты ранних греческих философов /* сост. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Ч. I. 576 с.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1: Образ и действительность. Новосибирск: Наука, 1993. 592 с.
- Юнг К.Г.* Психологические типы. М.: Академ. проект, 2017. 538 с.
- Ясперс К.* Всемирная история философии. Введение. СПб.: Наука, 2000. 272 с.
- Heidegger M.* Beitraege zur Philosophie (vom Ereignis) // Gesamtausgabe: in 98 Bänden. Bd. 65. Frankfurt am Mein: Vittorio Klosterman, 1989. 521 S.
- Köhler J.* Nietzsche. München: Claassen, 2001. 175 S.
- Nietzsche F.* Also sprach Zarathustra. Bd. 1. Chemnitz: Ernst Schmeitzner, 1883. 114 s.
- Nietzsche F.* Ecce homo // Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe: in 15 Bänden. München: Deutscher Taschenbuch, 1988. Bd. 6. S. 255–374.
- The Nietzsche Channel.* Nietzsche's Writing as a Student. Essays and autobiographical works, written from 1858–1868. URL: <http://www.thenietzschechannel.com/> (accessed: 01.10.2021).

Получена: 01.11.2021. Принята к публикации: 30.11.2021

References

- Heidegger, M. (1989). Beitraege zur Philosophie (vom Ereignis). *Gesamtausgabe*: in 98 Bänden. Bd. 65 [Complete edition: in 98 vols. Vol. 65]. Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman Publ., 521 p.
- Jaspers, K. (2000). *Vsemirnaya istoriya filosofii. Vvedenie* [The world history of philosophy. Introduction]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 272 p.
- Jung, K.G. (2017). *Psikhologicheskie tipy* [Psychological types]. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., 538 p.
- Köhler, J. (2001). *Nietzsche*. Munich: Claassen Publ., 175 p.
- Lebedev, A.V. (ed.) (1989). *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of early Greek philosophers]. Moscow: Nauka Publ., pt. 1, 576 p.
- Nietzsche, F. (1883). *Also sprach Zarathustra*. Bd. 1 [Thus spoke Zarathustra. Vol. 1]. Chemnitz: Ernst Schmeitzner Publ., 114 p.
- Nietzsche, F. (1988). *Ecce homo. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe*: in 15 Bänden. Bd. 6 [Complete works. Critical study edition: in 15 vols. Vol. 6]. Munich: Deutscher Taschenbuch Publ., pp. 255–374.
- Nietzsche, F. (1990). *Sochineniya: v 2 t.* T. 2. [Works: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ., 830 p.
- Nietzsche, F. (2000). [Preliminary works and additions to the «Morning Dawn» 1880–1881]. *Utrennyaya zarya. Pereotsenka vsego tsennogo. Veselaya nauka* [Morning Dawn. Revaluation of the valuable. Fun science]. Minsk: Kharvest Publ., Moscow: AST Publ., pp. 226–317.
- Pertsev, A.V. (2009). *Fridrikh Nitsshe u sebya doma. Opyt rekonstruktsii zhiznennogo mira* [Friedrich Nietzsche at home. Experience of reconstruction of the life world]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 480 p.
- Sartre, J.-P. (1967). *P'esy* [Pieces]. Moscow: Isskusstvo Publ., 672 p.
- Spengler, O. (1993). *Zakat Evropy. T. 1: Obraz i deystvitel'nost'* [The decline of Europe. Vol. 1: Image and Reality]. Novosibirsk: Nauka Publ., 592 p.
- The Nietzsche Channel. Nietzsche's Writing as a Student. Essays and autobiographical works, written from 1858–1868. Available at: <http://www.thenietzschechannel.com/> (accessed 01.10.2021).

Received: 01.11.2021. Accepted: 30.11.2021

Об авторе

Перцев Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории философии,
философской антропологии, эстетики
и теории культуры

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: apertzev@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7711-5098>

About the author

Aleksandr V. Pertsev
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of History
of Philosophy, Philosophical Anthropology,
Aesthetics and Theory of Culture

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: apertzev@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7711-5098>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Перцев А.В. Ф. Ницше: теология, метафизика и психология в поисках жизненности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 500–507. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-500-507

For citation:

Pertsev A.V. [Friedrich Nietzsche: theology, metaphysics and psychology in search of vitality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 500–507 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-500-507